18+

Павел Плотников

Под фундаментом

Павел Плотников

Под фундаментом

«Издательские решения»

Плотников П. А.

Под фундаментом / П. А. Плотников — «Издательские решения»,

Старая школа хранит под фундаментом кладбище и тайну, которую поколения горожан передавали шёпотом. Когда мёртвые начинают возвращаться, их шаги точно повторяют трагедию почти вековой давности. Учитель истории становится единственным, кто видит эту связь. Его расследование ведёт по следам преступления, которое никто не хотел раскрывать. Но чем больше он узнаёт, тем яснее понимает: следующая жертва уже выбрана. И она стоит прямо перед зеркалом.

© Плотников П. А.
© Издательские решения

Содержание

«ПОД ФУНДАМЕНТОМ» 6
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Под фундаментом

Павел Алексеевич Плотников

© Павел Алексеевич Плотников, 2026

ISBN 978-5-0071-5862-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ПОД ФУНДАМЕНТОМ»
Глава первая. Шаги под спортзалом

Дождь начался ещё ночью и к утру превратил улицы Северска в длинные серые ленты, отражавшие окна домов, редкие фары автомобилей и тусклое октябрьское небо. Вода стекала по водосточным трубам, собиралась в лужах возле тротуаров и тяжёлыми каплями падала с козырьков подъездов. Город просыпался нехотя. На остановках люди прятали лица в воротники, автобусы шипели тормозами, а из открывавшихся магазинов пахло свежим хлебом и кофе.

В Северске жило около шестидесяти тысяч человек. Город был достаточно большим, чтобы незнакомые люди могли годами проходить мимо друг друга, не запоминая лиц, и достаточно маленьким, чтобы любая необычная история за пару дней становилась известна всем.

Здесь знали, у кого в соседнем подъезде затопило квартиру, кто собирается продавать машину и чья дочь поступила в университет. Здесь помнили старые названия улиц, хотя на табличках давно красовались новые. А ещё здесь существовали истории, которые старожилы рассказывали только на кухнях, понизив голос и предварительно убедившись, что дети не подслушивают.

Но к этим историям большинство относилось как к обычным городским байкам.

Алексей Сергеевич Воронцов тоже относился к ним именно так.

Во всяком случае, до того октябрьского утра.

Он опаздывал на три минуты.

Для человека, который пятнадцать лет преподавал историю в четвёртой городской школе, три минуты не считались серьёзным происшествием. По крайней мере, Алексей Сергеевич именно так говорил своим ученикам, когда те появлялись в кабинете после звонка.

Однако сегодня он сам ускорил шаг, миновал школьную проходную и едва успел придержать тяжёлую входную дверь, прежде чем она захлопнулась за спиной.

В свои сорок два года Алексей Сергеевич выглядел человеком, привыкшим больше думать, чем говорить. Высокий, худощавый, с короткими тёмными волосами и серебристыми нитями у висков, он обладал серыми глазами, которые замечали мелочи прежде, чем он успевал осознать, почему они его заинтересовали. Тонкие губы почти всегда сохраняли серьёзное выражение, но ученики знали: стоило кому-нибудь задать по-настоящему интересный вопрос, как в уголках его рта появлялась едва заметная усмешка. Сегодня на нём был тёмный пиджак поверх светлой рубашки, а через плечо висела потёртая кожаная сумка, которую он носил ещё с первых лет преподавания.

Внутри пахло мокрыми куртками, пылью и свежей краской. Где-то на втором этаже громко переговаривались дети. В коридоре первого этажа уборщица двигала швабру по линолеуму, оставляя за собой блестящую влажную полосу.

— Доброе утро, Алексей Сергеевич! — крикнула она.

— Доброе, Надежда Петровна.

— Опять строители ваши с утра гремят. Я думала, потолок рухнет.

Алексей Сергеевич посмотрел в сторону спортивного зала.

Оттуда действительно доносился глухой металлический стук. Иногда к нему присоединялся визг работающего инструмента, и тогда звук прокатывался по коридору, заставляя дрожать стёкла в дверях.

Ремонт фундамента спортивного крыла начался две недели назад. Сначала рабочие обещали закончить за три дня. Потом обнаружили трещину. Затем выяснилось, что под частью здания нужно укрепить кладку. Вчера директор сообщила, что потребуется ещё неделя.

Алексей Сергеевич не любил ремонты в учебное время. Дети отвлекались, учителя жаловались, а школьная администрация пыталась убедить всех, что грохот перфоратора прекрасно сочетается с образовательным процессом.

Он поправил ремень сумки и направился к лестнице.

На стене возле кабинета истории висел стенд с фотографиями выпускников разных лет. Алексей Сергеевич проходил мимо него сотни раз и почти никогда не задерживал взгляд. На старых чёрно-белых снимках школьники стояли рядами, учителя выглядели непривычно серьёзными, а сама школа казалась совсем другой: узкие окна, голые деревья, грубая кирпичная кладка.

На одной фотографии, датированной 1932 годом, была изображена первая группа учеников четвёртой школы.

Снимок недавно сняли со стены для реставрации стенда. Теперь он лежал на подоконнике в конце коридора, прислонённый к батарее.

Алексей Сергеевич остановился.

Ему показалось, что кто-то стоял перед фотографией.

Высокий мужчина в тёмном пальто. Худой, с опущенной головой. Лицо скрывала тень, хотя коридор был освещён яркими потолочными лампами.

Воронцов моргнул.

Коридор оказался пустым.

— Недосып, — тихо сказал он самому себе.

Вчера он засиделся над контрольными до половины второго ночи. В последние дни работы прибавилось: проверка тетрадей, подготовка к школьной олимпиаде, отчёты. К тому же отец снова приснился ему — впервые за несколько месяцев.

Во сне отец стоял возле старой кирпичной стены и пытался что-то сказать. Алексей не слышал слов. Только видел, как шевелились его губы.

Проснувшись, он долго лежал в темноте, вспоминая отца и последние годы его жизни.

Инженер-строитель, Сергей Николаевич Воронцов, умер семь лет назад. Он был человеком молчаливым, упрямым и удивительно внимательным к деталям. Мог часами изучать трещину в стене или старый чертёж, словно надеялся, что за линиями и цифрами скрывается нечто важное.

В последние месяцы жизни он несколько раз пытался поговорить с сыном о четвёртой школе.

Алексей тогда не придал этим разговорам значения.

Отец говорил, что фундамент здания устроен необычно, что в архивных планах отсутствуют некоторые помещения и что школа стоит на месте, где в начале прошлого века находилось старое кладбище.

На последнее Алексей ответил, что знает об этом ещё со студенческих лет.

Кладбище закрыли задолго до строительства школы. Большую часть захоронений перенесли на новое городское кладбище. Оставшиеся могилы, согласно документам, ликвидировали при подготовке участка.

Вопрос был изучен. Ответ существовал.

Для историка этого обычно достаточно.

— Алексей Сергеевич!

Из кабинета высунулась голова пятиклассника.

— Вы идёте? У нас уже звонок был!

— Благодарю за оперативную сводку, — ответил Воронцов. — Передайте классу, что исторические события не ждут опоздавших. Особенно учителей.

Мальчик засмеялся и исчез за дверью.

Алексей Сергеевич взял сумку и пошёл на урок.

Он ещё не знал, что именно этот день впоследствии будет вспоминать как последнюю возможность спокойно развернуться и уйти из школы.

— Итак, — сказал Воронцов, снимая с доски оставшиеся с прошлого урока записи, — сегодня мы поговорим о том, как древние люди относились к смерти.

Пятый «Б» отреагировал предсказуемо.

Несколько человек оживились. Один мальчик перестал рисовать на полях тетради. Девочка у окна подняла руку, хотя вопроса ещё не было.

— Можно про египетские мумии? — спросил кто-то с последней парты.

— Можно. Но сначала ответьте: почему древние люди хоронили умерших?

— Потому что они умирали, — сказал Денис.

— Бесспорно. Продолжайте мысль.

— Ну… чтобы не лежали где попало.

Класс засмеялся.

Воронцов улыбнулся.

— Это практический ответ. Но попробуйте взглянуть на вопрос глазами человека, который жил несколько тысяч лет назад. Он не знал того, что знаем мы. Он не понимал, почему человек перестаёт дышать, почему сердце останавливается, почему тело становится холодным. И вполне мог считать, что смерть — это не конец, а переход в другое состояние.

Он написал на доске три слова: «Тело», «Память», «Имя».

— В разных культурах существовали разные представления о загробном мире. Одни народы верили, что умершему необходимо оставить еду. Другие клали в могилу оружие, украшения или предметы повседневного обихода. Древние египтяне старались сохранить тело, потому что считали его важным для существования человека после смерти.

— А если тело испортилось? — спросила девочка у окна.

— Тогда, по египетским представлениям, возникали серьёзные проблемы. Но они разработали сложную систему погребальных обрядов, чтобы этого избежать.

— Значит, если тело сохранить, человек может вернуться? — неожиданно спросил Денис.

Воронцов повернулся к нему.

Денис Крылов-младший сидел на предпоследней парте. Крепкий, широкоплечий для своих одиннадцати лет, с короткими русыми волосами и привычкой щуриться, когда он о чём-то задумывался. Он редко поднимал руку первым, зато вопросы задавал такие, что порой весь класс начинал обсуждать их вместо темы урока.

— Нет. Сохранение тела не возвращает человеку жизнь. Это мы знаем благодаря медицине и биологии.

— А вдруг древние знали что-то такое, чего мы не знаем?

— Древние люди действительно знали многое, чему нам стоит у них поучиться. Но если мы утверждаем, что кто-то умел возвращать умерших к жизни, нам нужны доказательства. Не слухи, не легенды и не рассказ человека, который ночью увидел странную тень. Нужны проверяемые факты.

Он произнёс это уверенно.

За окнами дождь усилился. Вода барабанила по отливам, и серый свет делал класс похожим на аквариум.

Из спортивного крыла донёсся резкий визг инструмента. Несколько учеников поморщились.

— Вот это доказательство, что строители опять работают, — заметил Воронцов. — А теперь откройте учебники на странице сорок восьмой.

Дети зашуршали страницами.

Алексей Сергеевич взял мел и подчеркнул слово «погребение».

Именно в этот момент снизу раздался стук.

Три удара.

Глухих, тяжёлых, совершенно отчётливых.

Тук.

Тук.

Тук.

Казалось, кто-то ударил металлическим молотком по внутренней стороне пола.

Ученики замолчали.

Воронцов медленно опустил руку.

— Это рабочие? — спросила девочка у окна.

— Вероятно.

Он подошёл к двери и прислушался.

За ней было тихо.

Ни голосов, ни шагов, ни звука инструментов.

Только дождь за окнами.

— Алексей Сергеевич, — негромко сказал Денис, — это снизу было.

— Я слышал.

— А снизу же подвал.

— В школе действительно есть подвал, Денис.

— Но там под спортзалом дверь замурована.

Воронцов повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь?

— Мы с отцом тут были. Он электрику проверял, когда у нас соревнования были. Там коридор, а дальше кирпичи. И дверь железная. Только её почти не видно.

— Значит, строители что-то разбирают.

— А почему тогда стучат изнутри?

В классе стало совсем тихо.

Воронцов не ответил сразу.

Его раздражало не столько замечание мальчика, сколько собственная реакция на услышанное. На долю секунды ему показалось, что эти удары были не случайными. В них чувствовался порядок. Пауза между первым и вторым. Пауза между вторым и третьим.

Словно кто-то не пытался сломать дверь.

Словно кто-то хотел, чтобы его услышали.

— Давайте не будем сочинять истории, — сказал он наконец. — После урока я выясню, что происходит. А сейчас продолжаем работу.

Он вернулся к доске.

И всё же, когда снова взял мел, заметил, что пальцы слегка дрожат.

В половине десятого в кабинет вошла директор школы.

Марина Павловна обычно появлялась на уроках только в двух случаях: если требовалось сообщить важную информацию или если кто-то из учителей нарушал расписание. Сегодня она не выглядела ни рассерженной, ни особенно обеспокоенной, но держала в руках большую картонную папку, которую прижимала к груди.

Ей был пятьдесят один год. Стройная, с каштановыми волосами, собранными в строгий пучок, она одевалась так, словно даже в школьной суете не позволяла себе ни одной случайной детали. Тёмный жакет, светлая блузка, тонкие часы на запястье — всё сидело безупречно. Её лицо с чёткими скулами и внимательными глазами обычно выражало спокойную требовательность. Однако сегодня Воронцов заметил, что пальцы директора слишком крепко сжимают картонную обложку папки.

— Извините, Алексей Сергеевич. На минуту.

— Конечно.

Она посмотрела на детей.

— Ребята, продолжайте читать параграф. Тихо, пожалуйста.

Когда ученики опустили глаза в учебники, директор подошла к учительскому столу.

— Вы слышали стук?

— Слышал. Что там происходит?

Марина Павловна помедлила.

— Рабочие говорят, что это старые коммуникации. При укреплении фундамента иногда возникают необычные звуки.

— Коммуникации не стучат три раза с одинаковыми промежутками.

— Алексей Сергеевич, я не собираюсь обсуждать мистику в школьном кабинете.

— Я тоже. Я спрашиваю, что обнаружили строители.

Директор посмотрела на него так, словно он задал вопрос, который не следовало задавать.

— Ничего особенного. Старую кладку. Несколько пустот. Возможно, остатки прежнего подвала.

— Прежнего подвала?

— В старых зданиях такое бывает.

Она положила папку на край стола и открыла её.

Внутри находилась фотография. Старая, чёрно-белая, с надломленным углом. На снимке перед школьным крыльцом стояли ученики и несколько взрослых. На заднем плане виднелась кирпичная стена, а над ней — узкие окна первого этажа.

Воронцов сразу узнал фотографию с подоконника.

— Её собирались отправить на реставрацию, — сказал он. — Почему она у вас?

— Сегодня утром я нашла её в кабинете завхоза. Он говорит, что снимок лежал в ящике с документами, которые рабочие вынесли из подсобного помещения.

— И?

— Посмотрите на задний ряд.

Алексей Сергеевич наклонился.

Люди на фотографии были одеты в старомодные пальто и тёмные костюмы. Несколько мальчиков держали в руках книги. Женщина в длинном платье стояла рядом с человеком в белом воротничке.

А возле самого края снимка, почти скрытый за плечом другого мужчины, находился высокий человек в тёмном пальто.

Его лицо было плохо различимо, но фигура казалась непривычно вытянутой. Голова чуть наклонена. Руки опущены вдоль тела.

Воронцов почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Кто это? — спросил он.

— Вот этого я и хотела бы узнать. В архивной подписи указаны первый директор, учителя и выпускники. Про этого человека ничего нет.

— Может, рабочий?

— Вполне возможно.

Марина Павловна перевернула фотографию.

На обратной стороне, под выцветшей надписью «Открытие школы. 1932 год», проступали несколько букв, сделанных карандашом. Они были почти стёрты, словно кто-то долго пытался удалить их, но затем передумал.

Алексей Сергеевич наклонился ближе.

Он сумел разобрать только одну строчку:

«Не открывать нижнюю дверь».

Ниже шли ещё слова, но бумага в этом месте была повреждена.

— Кто написал? — спросил он.

— Не знаю. Надпись обнаружили только сегодня.

— А что за нижняя дверь?

Марина Павловна закрыла папку.

— Вот поэтому я и хотела поговорить с вами. Вы преподаёте историю, знаете местные архивы. Возможно, сможете выяснить, откуда фотография и что за дверь имеется в виду.

— Вы сказали строителям, чтобы они прекратили работы?

— Работы остановлены до выяснения обстоятельств.

Это прозвучало слишком быстро.

— Марина Павловна, если они вскрыли старую кладку, нам нужно проверить безопасность здания.

— Разумеется.

Она забрала папку, но фотографию оставила на столе.

— Только, пожалуйста, не поднимайте шум. Пока у нас нет никаких оснований для беспокойства.

Директор направилась к двери.

— Марина Павловна, — остановил её Воронцов. — Вы знали, что школа построена на старом кладбище?

Она замерла.

Всего на мгновение. Но этого было достаточно.

— Все знают эту историю, Алексей Сергеевич.

— Тогда почему в документах нет сведений о захоронениях?

— Потому что кладбище закрыли. Насколько я понимаю, тела перенесли.

— Все?

Директор не ответила.

Она лишь посмотрела на него с выражением человека, который вдруг понял, что случайно открыл дверь в комнату, куда давно никто не заглядывал.

— Проведите урок, — сказала она. — И не позволяйте детям распускать слухи.

После этого Марина Павловна вышла.

Дверь закрылась.

Воронцов ещё несколько секунд смотрел ей вслед, затем перевёл взгляд на фотографию.

В заднем ряду стоял мужчина, которого не было в списке участников церемонии.

Человек, о котором никто ничего не знал.

И всё же Алексей Сергеевич был уверен, что уже видел его сегодня утром.

В школьном коридоре.

После урока Воронцов отправил класс на перемену и остался в кабинете.

Он достал телефон и сфотографировал старый снимок. Затем увеличил изображение, стараясь рассмотреть лицо незнакомца.

Качество фотографии было плохим. Тени скрывали глаза, воротник пальто закрывал шею. Однако на лице проступали необычные черты: слишком бледная кожа, глубокие складки возле рта и выражение, которое трудно было назвать просто суровым.

Человек выглядел так, словно не понимал, зачем его фотографируют.

Или так, словно знал, что фотография переживёт его на многие десятилетия.

Алексей Сергеевич отложил телефон.

Он не верил в привидения. Не верил в проклятия и тайные общества. За пятнадцать лет преподавания он научился отличать исторический факт от красивой выдумки, даже если выдумка была подкреплена старой бумагой и убедительным рассказчиком.

Но он также знал, что архивы бывают неполными, свидетели ошибаются, а официальные документы иногда создаются не для того, чтобы сохранить правду, а для того, чтобы заменить её удобной версией.

Он открыл компьютер и начал искать электронный каталог городского архива.

Сведения о кладбище нашлись быстро.

Старое кладбище Северска существовало с конца XVIII века. Его закрыли в 1928 году после вспышки неизвестной болезни. В документах упоминалось, что часть захоронений была перенесена на новое кладбище, а участок очищен для будущего строительства.

Однако формулировка показалась Воронцову странной.

«Перенос произведён в объёме, допускаемом состоянием грунта».

Он перечитал фразу.

Что значило «в объёме, допускаемом состоянием грунта»?

Либо чиновник пытался написать что-то умное, не понимая смысла собственных слов, либо переносили не все захоронения.

Алексей Сергеевич открыл следующий документ.

В нём сообщалось, что во время подготовки строительной площадки рабочие обнаружили остатки каменного сооружения. Работы приостановили на одиннадцать дней. Затем строительство продолжили, а сооружение признали не представляющим исторической ценности.

Ниже стояла подпись комиссии.

Среди фамилий он заметил одну, которую знал с детства.

Сергей Николаевич Воронцов.

Его отец.

Алексей Сергеевич откинулся на спинку стула.

Это было невозможно.

Отец родился в 1951 году и не мог участвовать в строительстве школы в 1932-м. Очевидно, речь шла о другом человеке с такой же фамилией.

Но фамилия была редкой для Северска. А имя и отчество на экране совпадали полностью.

Он приблизил изображение документа.

Подпись была смазанной, но рядом стояла должность: «инженер технического надзора».

Алексей Сергеевич несколько раз моргнул.

Возможно, архивный файл содержал ошибку. Возможно, документ был составлен позднее и подписан человеком, чьи данные случайно совпали с данными отца. Или он неверно прочитал год.

Он решил проверить бумажный оригинал.

В этот момент раздался звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.